

Из орнитологической паремиологии Петровского времени (*Кулик — Зу́й*)*

Валерий Михайлович Мокленко

Санкт-Петербургский университет

mokienko40@mail.ru

В статье анализируется одна из групп анималистических пословиц и поговорок, включающая в себя орнитонимы — восточнославянские наименования птицы «кулик», прежде всего лексемы *кулик* и *зуй*. Прослеживается судьба таких паремий в собрании «Старинных сборников русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столетий» П. К. Симони (1899 г.) и других сборниках Петровского времени. Такие пословицы классифицируются тематически и семантизируются. Особое внимание уделено конкуренции лексем *кулик* и *зуй*: если первая в составе пословицы *Каждый кулик своё болото хвалит* активно употребляется и сейчас, войдя в литературный язык, то пословицы с компонентом *зуй* имеют региональный ареал и малую употребительность. Русские пословицы и поговорки сопоставляются с украинскими и белорусскими, обнаруживая достаточно большое сходство.

Ключевые слова: восточнославянская паремиология, пословицы и поговорки, паремия, русские паремиологические анимализмы-орнитонимы, паремиологические сборники Петровского времени.

Анимализмы как объект исследований диалектологов и лингвогеографов уже давно привлекли интерес, о чём свидетельствуют и регулярные анкеты, и их обсуждение на ежегодных конференциях ЛАРНГ. В этом году наша конференция счастливо совпала с выходом 2-го тома ЛАРНГ «Животный

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-42008 «Пословицы и поговорки Петровского времени как культурный феномен языковых реформ (ретроспектива и перспектива)».

мир», с чем хочется поздравить всех авторов. Не меньший интерес к этой проблематике, в связи с мощной коннотативностью наименований животного мира, давно уже проявляют и фразеологи и паремиологи, о чём свидетельствует, в частности, и наша коллективная монография «Анималистическая фразеология в славянских языках (Лингвистические и лингвокультурологические аспекты)», созданная на основе материалов международной конференции 2018 г. в СПбГУ [Анималистическая фразеология 2019]. Естественно, что в необъятном семантическом поле анимализмов достаточно почётное место занимают наименования птиц — орнитонимы. Многие из них уже неоднократно анализировались в самых различных аспектах. Не случайно и на нашей конференции ЛАРНГ этого года представлены 2 доклада такого рода: Е. Б. Мироновой (Астрахань) «Наименования животных и птиц Астраханской области» и Л. З. Бояриновой (Смоленск) «Наименования птиц в смоленских говорах».

Монументом среди таких исследований по русским орнитонимам возвышается книга Н. А. Кожевниковой и З. Ю. Петровой «Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. Вып. 1: Птицы» (Кожевникова, Петрова 1).

Понятно, что особое внимание в таких исследованиях привлекают названия известных, «оперённых» привычной всем носителям языка метафорикой птиц — как домашних (*курица, петух*), так и недомашних (*соловей, воробей, ворона, сойка, кукушка, тетерев* и под.). Отмечая активность наименований птиц в украинском малом фольклоре, М. М. Пазяк справедливо подчеркнул, что «Образи кулика, синиці виступають у малочисельній групі паремій» [Пазяк 3: 19–20].

Действительно, эту небольшую птицу — кулика — нельзя назвать одной из самых популярных и повсеместно известных, хотя носители русского, украинского и белорусского языков её знают. И, пожалуй, знают благодаря пословице *Каждый кулик своё болото хвалит*. Эта пословица не выходит за пределы восточнославянского языкового пространства, хотя название

этой птицы — не только праславянское, но и балто-славянское и даже имеет проекцию в древнеиндийское языковое поле. Общий восточнославянский ареал этой паремии, казалось бы, должен гарантировать её запись в паремиологических собраниях Петровского времени. Однако эта пословица о «кулике» в записях до середины XIX в. отсутствует. При этом за почти 200 лет она широко засвидетельствована многими источниками в восточнославянском пространстве в разных вариантах.

Отражают эту пословицу и восточнославянские паремиологические источники, хотя при этом — практически без вариантов:

бел.: *Кажды кулік на сваём балоце вялік.*

укр.: *Кожний (Усяк) кулик своє болото хвалить.*

Более раннюю, почти столетнюю, хронологию имеет другая, сейчас менее уже известная, пословица о кулике — *Далеко кулику до Петрова дня.* Она зарегистрирована как в паремиологических сборниках Петровского времени с начала XVIII в., так и в рукописном собрании П. К. Симони, имеющем, судя по всему, более глубокую временную «дальнобойность» и проекцию в некоторые современные источники.

Она была известна в начале XVIII в. и в семантически прямо противоположном варианте: *Недалеко кулику до Петрова дни.* Тат. нач. XVIII в., 57¹.

Ср. и другие её варианты, распространённые в разных регионах России: *Арх. Ирон.* (1907). *Где-петь кулику до Петрова дня.* СРНГ 6, 164, где *где-петь* — ‘как же’; *Далеко кулику до Петрова дня, а раку с клешнёю — до коня с копытом.* Ан. 1988, 72; *Перм. Далеко ли кулику до Петрова дня* ‘Хвастливому или несведущему человеку нетрудно выдать желаемое за действительное’. Прок. 1988, 169; *Далеко кулику до орла.* Сок., 433, 524.

Значение этой иронической пословицы несколько амбивалентно: ‘Ещё многого не хватает кому-л. до полного успеха;

¹ В целях экономии места данные об источниках приводятся в сокращении. Читатель найдёт точные данные в «Большом словаре русских пословиц» (Мокиенко, Никитина, Николаева 2010).

ещё рано успокаиваться на достигнутом, отдыхать' и 'Ещё есть время радоваться, веселиться, жить без забот' (Жуков: 94). Её происхождение, отталкиваясь от амбивалентной семантики пословицы, толкуется неоднозначно (СРФ, 3-е изд.: 364).

Первое значение объясняется тем, что с начала весны до Петрова дня (29 июня по ст. ст.) жизнь кулика наполнена всякими заботами (уход за куличихой, за прожорливыми птенцами и т. п.). Лишь к Петрову дню, когда вырастают птенцы, труды кулика кончаются, можно и отдохнуть. (ОЭСРФ: 40–41); [Грушко, Медведев 2000: 115 и др.]. Второе значение расшифровывается иначе. По народному календарю, Петров день (29 июня) знаменует проводы весны. С наступлением лета охотникам даётся разрешение стрелять птицу. Время от встречи весны до её проводов — это период, когда кулик может жить в полной беспечности и безопасности [Максимов 1955: 382].

Убедительнее по своей логике, как кажется, — метеорологическое объяснение пословицы. От прилёта кулика до Петрова дня — далеко, большая разница во времени. Кулики, прилетая весной, приносят тепло, но настоящее тепло начинается с Петрова дня [Михельсон 1903: 223]. В пользу последнего, старого, но, как кажется, наиболее вероятного толкования этимологии пословицы, говорит и мифология. Кулик — один из обрядовых символов весны, птица, наделяемая в народных представлениях демонологическими свойствами. В южной России с куликом связывают приход весны и пекут «куликов» из теста, на Сорок мучеников. Дети в Курском регионе кладут «куликов» на верх стога соломы и поют веснянку, т. е. песню, прославляющую приход весны. Ср.: «Закрывай, кулик, / Холодную зиму <...> / Открывай, кулик, / Тёплое лето!». Это представление отражено и в поговорках — напр.: *Прилетел кулик из заморья, вывел весну из затворья* (СД 3: 40).

В паремиологических источниках Петровского времени сохранилась и ещё одна пословица, навеянная образом кулика. В ней, правда, используется иное, чисто русское наименование кулика — *зуй*:

Зуй до воды охоч, а плавать не умеет.

Сейчас эта поговорка уже неупотребительна, а слово *зуй* ‘общее название всех видов птицы кулика’, является диалектизмом, что подтверждается отсутствием его в толковых словарях и паспортизацией в СРНГ (СРНГ 12: 23). Парадоксально при этом, что его уменьшительная форма *зуйёк* в значении ‘небольшая птица семейства ржанковых, обитающая по берегам водоёмов’ зафиксирована в «Толковом словаре русского языка» [БТСРЯ: 372].

Коннотативные доминанты, отражённые в популярных поговорках о кулике, характерны и для других восточнославянских диалектных паремий с этим орнитологическим образом. Предлагаем их общую характеристику.

1. Среда обитания куликов. Этот признак положен в основу типичной дефиниции слова *кулик* в толковых словарях: «небольшая болотная птица семейства ржанковых, с длинными ногами и длинным носом» [БТСРЯ: 479]. Не случайно иллюстрацией к этому толкованию и служит поговорка *Всяк кулик своё болото хвалит* (Там же). Этот доминантный признак положен в основу большинства паремий с компонентом «кулик»:

рус.: *Всяк (всякий) кулик в (на) своём болоте велик; И (Каждый) кулик в своём болоте велик; Каждый кулик в своём болоте хозяин. Каждому кулику в своё болото охота лететь* ‘Каждого тянет в родной дом, домой’; *Каждому кулику своё болото: мне ту; Собрались думу думать кулики, на болоте сидючи; Собирались кулики, на болоте сидючи — они суздальцы и володимерцы* (из песни); *Стали думу думать кулики на болоте сидючи* ‘Об инертных, не готовых к решительным действиям людях’; *Насмехался кулик с болота, да и сам туда попал. Кубан. ППЗК 2000, 47; Один (одна) как кулик на болоте. Перм. Неодобр.* Об очень одиноком человеке, домоседе. Подюков 1982; *Бродить что зуй по болоту. Народн. Неодобр.* О постоянно бродящем где-л. (обычно в темноте) человеке.

белор.: *Знаець кулік сваё балота; Вялікага балота кулік; Гэта кулік вялікага балота. Кулік, дзе ты прывык? — А ў балоце. — Там жа мокра. — А мне там добра.* [Грынблат 1: 289].

укр.: *Знае кулик свое болото; Кожен кулик до свого болота привик; Усякий кулик до свого озера привик; Де кулик вилупиться, в тому болоті й живе; Великого болота кулик; Кошний кулик у своєму болоті велик.* [Пазяк 1: 219]. Ср.: *Насміхався кулик з болота та й сам туди заліз.* [Пазяк 1: 219]; *Насміявсь кулик болоту та й сам туди ж у воду.* [Пазяк 2: 389]; *Кулик залишає болото, літає по полю — на ясну погоду (Я. п., Жит.)* [Пазяк 1: 381].

К этой же группе относятся и пословицы, где общий тельмографический народный термин *болото* манифестируется таким важным признаком этого объекта, как *кочка*: *Всяк кулик на своей кочке велик; И кулик на своей кочке велик.*

К этой группе паремий, вероятно, можно отнести иронические характеристики похвалыбы кулика своей «родословной»: *Привелось кулику похвалиться на веку; Довелось на веку и кулику; Возвысил Бог куликов род!* Д 2, 216.

Обитание в болоте обуславливает и более расширенную пространственную зону кулика — околородную.

Эта характеристика нашла отражение и в некоторых русских паремиях Петровского времени и их украинских параллелях:

Зуй до воды охоч, а плавать не умеет. Петр. галер. нач. XVIII в., 28; СлРЯ XVIII в. 8, 236; ПС, 315; ДП 2, 144; Рыбн. 1961, 65; Ан. 1988, 109, 156; Пск. СПП 2001, 131.

Зуй охоч до воды, а плавать не умеет. Сим., 106; СлРЯ XI–XVII вв. 6, 69; Сн. 1848, 147; ДП 2, 144; Д 2, 773.

Ср. укр.: *І кулик на воді, і музика на коні.* [Пазяк 3: 355].

Связь с водными источниками отражена и в тех паремиях, где *кулик* выступает в паре с другими птицами — обитателями озер, рек, морей и под.:

Кулик да гагара — два сапога пара; Куль да гагара — два сапога пара. Ворон. (1892) 'О супругах или товарищах, имеющих плохие качества' СРНГ 16, 73, где *куль* — 'кулик'; *Пара: кулик да гагара.* Д 3, 17; Ан. 1988, 250; Ср.: *Хороша пара — гусь да гагара.* Рыбн. 1961, 85; *Чем не пара — гусь да гагара?* Рыбн. 1961, 92; *Без пары не живут и гагары.* Сок., 495. Ср. белор.: *Кулік чайку ўзяў за чубайку.* [Грынблат 2: 52]; укр. *Кулик чайку взяв за чубайку; Замічай, куличок, куди чайка летить.* [Пазяк 1: 219].

В этом орнитологическом ряду, правда, можно найти и птиц, противопоставляемых кулику: *В нужде и кулик соловьём свищет.* Шутл.-ирон. В трудных условиях люди приободряются; *Кулик на месте соколином не будет птичьим господином.* Ср. укр.: *Кулик на місці соколним не буде птичим господином.* [Пазяк 1: 219].

2. Внешний вид кулика:

а) Небольшой размер птицы:

Кулик невелик, а весну принёс. Сок., 446; *Кулик не велик (невелик, Невелик кулик), а всё-таки птица (птичка).* Д 2, 216; Соб. 1956, 62 Раз. 1957, 66; Рыбн. 1961, 57; *Кулик не велик (невелик), а зевать не велит.* Ан. 1988, 156; *Невелик кулик, а все-таки птичка.* Сок., 152; *Невелик кулик, да нос длинен.* Ан. 1988, 231; Сок., 527. Ср.: *Как кулик.* Брян. Неодобр. Об очень худом, отощавшем человеке. Бойцов 1986.

бел.: *Не вялік кулік, ды ўсё ж такі птушка.* [Грынблат 1: 68].

укр.: *Кулик не велик, а все-таки птиця.* [Пазяк 1: 219].

б) Длинный нос птицы:

Невелик кулик, да нос длинен. Ан. 1988, 231; Сок., 527; *нос у кого как у кулика.* Прост. Неодобр. О чьём-л. длинном, остром носе. *Нос у кого как клеви́тка.* Ряз. О чьём-л. длинном и тонком носе. СРНГ 13, 271, где *клеви́т-*

ка — ‘кончик носа’, ‘небольшая болотная птица с длинным клювом (кулик)’.

3. Свойства поведения кулика:

а) *Непоседливость, вертлявость: Вертеться как зуй.* Народн. Неодобр. О вертящемся, не сидящем на месте человеке. ДП, 515; *Вертляв как зуй.* Народн. Неодобр. О вертлявом, непоседливом человеке. ДП, 686; *Вертеться как кулик (куликом).* Народн. Неодобр. О чрезмерно подвижном, постоянно вертящемся человеке. ДП, 515; Д, 1, 309.

б) Хотя по орнитологической классификации кулики относятся к стайным птицам, паремииологическое зеркало отражает их *пребывание в одиночестве, «нестайность»:*

(сидеть) как кулик. Орл. Неодобр. Об одиноком человеке. Арсентьев КД 2, 86; *(сидеть) как кулик на дому.* Перм. Неодобр. Об одиноком, нелюдимом человеке, домоседе. Прокошева 1981; МФС, 52.

Парадоксальны, на первый взгляд, поговорки о кулике, которые как будто прямо противоположны этому свойству: *Кулик кулика видит издалека.* Сок., 187; бел. *Кулік куліка відзіць здаляка* [Грынблат 1: 344]; укр. *Кулик кулика бачить здалека* [Пазяк 1: 219]. Однако этот семантический «парадокс» навеян диктатом рифмы *кулика — издалека* и не отражает, пожалуй, объективных наблюдений за жизнью птицы.

4. Кулик как предвестник весны (в народных приметах).

Эти коннотации, связанные с куликом, как мы видели, запечатлены в старинной пословице *Далеко кулику до Петрова дня.* Они отражены и в целом ряде других орнитологических паремий:

Кулик из заморья принёс весну из затворья. Яросл. ЯОС 4, 107, где *затворье* — запертое помещение, место заключения; *Прилетел кулик из заморья, вывел весну из затворья (принёс весну из неволя).* Д 1, 186; Д 2, 216; СРНГ 11, 85. < *Затворье* — запертое помещение. СРНГ

11, 85; *Прилетел кулик из-за моря, принёс весну из неволи*. Сок., 447. Ср. бел. *Прыляцеў кулік з замор'я, вывееў вясну з няволля*. [Грынблат 1: 68]; укр. *Прилетів кулик із-за моря — весну приніс*. [Пазяк 1: 381].

К этому ряду, видимо, можно отнести и такие паремии, которые характеризуют кулика как птицу перелётную:

И кулик свою сторону знает — [прилетает (отлетает на зиму)]. Д 2, 216; *И кулик знает чужую сторону*. Сок., 385; *И кулик чужу сторону знает*. Ан. 1988, 112.

5. Разное.

К периферии паремиологических характеристик о кулике относятся поговорки с иной семантикой и не совсем ясной образностью и атрибуцией к интересующей нас птице — напр.: *На кулікіну гору*. Селигер. Неизвестно куда, некуда (ехать). Селигер 2007, 3, 167; *На куликов день*. Новг. Шутл. (1968). Никогда. СРНГ 16, 67; *Бессонна кулига*. Обл. Неодобр. О ребенке, который не спит по ночам. СРНГ 16, 64, где *кулига* — ‘птица кулик’. Ср. *Дажыліся кулікі, што ні хлеба, ні мукі*. [Грынблат 1: 413].

Подводя итог анализу паремиологических реминисценций представлений о кулике, можно констатировать, что они во многом соответствуют биологическим наблюдениям над этой птицей из семейства ржанковых. Некоторые из них, как мы видели, отражают и мифологические коннотации, где кулик выступает вестником весны. При этом бросается в глаза практически полное отсутствие параллелизма таких представлений с этимологической расшифровкой наименований кулика. Слово *кулик* как обозначение птицы «*Scolopax*» известно большинству славянских языков (бел. *кулік*, укр. *кулик*, чеш. *kuлік* ‘кулик, зук’, *kulich* ‘сыч’, пол. *kuлик, kulig* ‘кулик’ и др.), а также балтийских (лтш. *kuļainis* ‘кроншнеп’, лит. *kūolinga* — ‘птица «*Numenius arquatus*»’) и возможно, имеет индоевропейскую «дальнобойность» (ср. др.-инд. *kuḷikā* ‘какая-то птица’). Многие этимологи трактуют это слово как

звукоподражание (Фасмер 2: 410–411; ЭСБМ 5: 154). Такое же происхождение признаётся и за собственно русским словом *зу́й* ‘вид кулика «Tringa»’ — ср. с/х *зуј* ‘жужжание’, *зујати*, *зујим* ‘жужжать’, *зујак* ‘навозный жук’ (Фасмер 2: 108). По другой версии, псл. **kulikъ* возводится к псл. **kuł-* (< и.-е. **kaul-*) ‘косточка, нога’, что «обусловлено большим размером ног кулика» (ЕСУМ 3: 133).

В коннотативном спектре представленных в статье паремий таких характеристик, которые бы соответствовали этимологической расшифровке наименований кулика, нет. Но я бы добавил к этой констатации одно слово: **Пока нет**. Ибо доклады моих коллег, представленные на конференции ЛАРНГ-2021, и выходящие тома Атласа внушают надежду, что и такие коннотации найдут своё отражение в паремиологической картине восточнославянского мира.

Литература и источники

Анималистическая фразеология в славянских языках (Лингвистические и лингвокультурологические аспекты) / Ред.: Х. Вальтер, В. М. Мокиенко. Greifswald: Universität Greifswald, 2019. 255 с.

Грушко Е. А., Медведев Ю. М. Современные крылатые слова и выражения. М.: Рольф, Априс Пресс, 2000. 514 с.

Грынблат М. Я. Прыказкі і прымаўкі ў дзвюх кнігах / Складанне, сістэматызацыя тэкстаў, ўступны артыкул і каментарыі М. Я. Грынבלата. Т. 1–2. Мінск: Навука і тэхніка, 1976.

Максимов С. В. Крылатые слова. М.: ГИХЛ, 1955. 447 с.

Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Своё и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. В 2 т. Т. 1. СПб., 1903. 779 с.

Пазяк М. М. Прислів'я та приказки. Т. 1–4. К.: «Наукова думка», 1989–2001.

On ornithological paremiology of the Petrine times (Kulik — Zuj ‘sandpiper’)

Valery M. Mokienko

St. Petersburg State University

mokienko40@mail.ru

The article analyzes one of the groups of animalistic proverbs and sayings, which includes ornithonyms — the East Slavic words denoting sandpiper, primarily the lexemes *kulik* and *zuj*. The fate of such paremiae can be traced in P. K. Simoni’s “Ancient collections of Russian proverbs, sayings, riddles, and so on. 17th-19th centuries” (1899) and other anthologies dating back to the Petrine epoch. Such proverbs are classified thematically and get a semantic interpretation. Particular attention is paid to the competition between the lexemes *kulik* and *zuj*: if the former in the proverb *Každyj kulik svojo boloto hvalit* has been actively used until now, having entered the standard language, the proverbs with the component *zuj* feature only regional distribution and infrequent usage. Russian proverbs and sayings are compared to Ukrainian and Belarusian ones, proving to be essentially similar.

Key words: East Slavic paremiology, proverbs and sayings, paremia, Russian paremiological animalisms including ornithonyms, paremiological collections of the Petrine time.

References

Animalisticheskaya frazeologiya v slavyanskikh yazykakh (Lingvisticheskiye i lingvokul'turologicheskiye aspekty) [Animalistic phrasal units in Slavic languages. Linguistic and linguo-cultural aspects] / Red.: KH. Val'ter, V. M. Mokiienko. Sankt-Peterburg: SPbGU — Greifswald: Universität Greifswald, 2019. 255 p.

Grushko Ye. A., Medvedev YU. M. Sovremennyye krylatyye slova i vyrazheniya [Modern catch words and catch phrases]. M.: Rol'f, Apris Press, 2000. 514 p.

Grynblat M. YA. Prykazki i prymauki ū dzvyukh knígakh. Skladanne, sistematyzatsiya tekstaŭ, ūstupny artykul i kamentaryŭ M. YA. Grynblata. T. 1–2. [Proverbs and sayings in two volumes.

Composed, systematized, provided with an introductory article and annotated by M. Ya. Grynblat]. Minsk: Navuka i tekhnika, 1976.

Maksimov S. V. Krylatyye slova [Catch words]. M.: GIKHL, 1955. 447 p.

Mikhel'son M. I. Russkaya mysl' i rech'. Svoyo i chuzhoye. Opyt russkoy frazeologii. Sbornik obraznykh slov i inoskazaniy [Russian thought and speech. Indigenous and borrowed elements. An outline of Russian phraseology. A collection of metaphorical expressions and circumlocutions]. T. 1. SPb., 1903. 779 p.

Pazyak M. M. Prisliv'ya ta prikazki. [Proverbs and sayings]. T. 1–4. K.: «Naukova dumka», 2001. 392 p.